

А.Н. Севастьянов

**ВИЗАНТИЙСКАЯ МОЗАИКА
К 1150-летию русской государственности**

Тема крайне важна для России, поскольку сейчас многие «кадят гнусной Византии, выставляя ее образцом для России» © А.Н. Севастьянов, особенно церковники.

История засорена обломками государств, которые пытались совместить различные этнические, лингвистические либо религиозные группы в пределах одной верховной власти.

Артур Шлезингер-младший

Нация и Государство – вот коренной вопрос, который в первую очередь встает в раздумьях о византийском опыте. Сама история поставила поистине бесценный эксперимент длиной в тысячу лет, призванный его разрешить.

Но, собственно, в чем данный вопрос состоит?

Я хочу предложить его в такой постановке, которая больше всего должна бы волновать русское общество после распада Советского Союза. А именно: сохранимся ли мы, русские, как нация, сохранив при этом свое государство? Не повторим ли мы злую и печальную судьбу ромеев, потерявших и государство, и судьбу? Отжили ли мы уже как этнос отмеренный нам исторический век и готовимся сойти со сцены – или у нас есть еще шанс продлить свое существование, не попав притом под чуждое владычество так, как это произошло со многими народами Византийской империи?

Уместно вспомнить, что своеобразный историк и историософ Лев Гумилев полагал, будто весь процесс от зарождения до гибели этноса (он называл почему-то этот процесс этногенезом) занимает в среднем 1200-1400 лет. Этот период он объявил нормой. Однако, присмотревшись, мы легко убедимся, что на самом деле судьбы народов гораздо более разнообразны и часто не укладываются в приведенную схему.

Прежде всего обращают на себя внимание, с одной стороны, этносы, мелькнувшие, как метеор, по небосклону истории и мгновенно погасшие, этносы-эфемериды, этносы-однодневки (по историческим меркам, разумеется, то есть жившие несколько столетий, в лучшем случае). А с другой стороны, мы можем наблюдать этносы, чей срок жизни в несколько раз длиннее того периода «этногенеза», что отпустил им Гумилев. Принимая эти факты к рассмотрению, мы должны, конечно, иметь в виду, что этнос, вопреки учению Гумилева, это не поведенческий стереотип, а биологическое сообщество, связанное общим происхождением, имеющее общую генетику и общую «семейную историю».

Гибель этноса, совершающаяся подчас очень быстро, на памяти одного поколения (так погибли, например, хазары, или могикане, или тасманийцы), – не бывает случайной, она, как правило, есть следствие накопившихся этнополитических ошибок. Неважно, сознательно они совершались или нет. Эти ошибки порой настолько наглядны и разительны, что мы вправе говорить в таких случаях об этносах-самоубийцах, добровольно устремившихся навстречу собственной гибели.

Напротив, есть этносы, чье историческое существование исчисляется многими тысячелетиями (к примеру, китайцы, индоарии, евреи, древние египтяне), хотя и они порой вставали на грань жизни и смерти и подвергались угрозе исчезновения. Мы вправе предположить, что некогда эти этносы-долгожители сумели нащупать во тьме грядущего верный путь, сумели разгадать секреты выживания. Сумели открыть, быть может, стихийно, законы науки этнополитики. Наградой за что и стала исключительно долгая жизнь, устремленная в будущее.

Что же будет с нами, русскими?

Весь XX век русскую нацию ломали об колено, порабощали и уничтожали разные народы, используя при этом, увы, огромную социальную энергию восставших русских масс, предпочеших классовую солидарность – солидарности национальной. Результат вполне закономерен: утратив и пока не восстановив свою элиту, мы встали на пороге вымирания и деградации.

Мы, русские, находимся сейчас в положении неустойчивого равновесия, пройдя в истории путь не короткий и не длинный – как раз такой, чтобы либо умереть, исчезнуть, либо учесть чужой и свой опыт, составить верный рецепт выживания и долгожительства – и жить дальше. Разделим мы участь хазар или аваров (это их наши летописи ставят в отрицательный пример: «погибоша, аки обре») или сумеем, в очередной раз перелицевавшись, продлить нашу историю еще на пару-тройку тысячелетий – вот вопрос, сродни гамлетовскому «быть или не быть».

Хочется верить, что мы ответим – «быть».

Но мало просто ответить. Надо приложить усилия в нужном направлении, чтобы утвердить этот ответ в реальности. А для этого надо знать, где оно, это направление. Необходима хотя бы краткая летопись роковых этнополитических ошибок и гениальных этнополитических достижений.

В этой летописи Византии принадлежит особое место ввиду того, что Россию многие считают преемницей империи ромеев. Находятся и такие, что ставят нам эту империю в пример, считают ее вечным образцом для подражания.

Я стою на позициях прямо противоположных. А почему – постараюсь объяснить.

Для этого необходимо погрузиться в историю. И постичь, как и почему возникла, жила и погибла Византия.

Что Второй Рим унаследовал от Первого

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.

А.С. Пушкин

Очень важно понять: никто и никогда специально не создавал Византию. Это лишь зараженный гнилью обрубок сгнившей Римской империи. Когда Рим уже шел ко дну, Восточно-Римская империя (именно ее мы традиционно называем Византией) отделилась и потому спаслась. Это был способ уцелеть, сохранить старое, а вовсе не создать новое. Хотя в дальнейшем не прекращались попытки создать это новое, но ничего прочного так и не получилось: империю все время трясло, как в лихорадке, а спасало (до поры) каждый раз какое-нибудь чудо – счастливое стечение обстоятельств.

Будучи относительно богатой и удачливой страной, Византия протянула, догнивая, всего чуть более тысячи лет, но весь этот срок ее терзали внешние нашествия и внутренние неурядицы. Она то распадалась, то вновь собиралась, все сокращаясь в границах и возможностях, лишь временами отнимая у еще более слабой Западной империи части ее имени, но затем опять их теряя, – пока не потеряла все без остатка, включая столицу и имя.

Тысяча лет агонии – так и только так следует характеризовать ее бытие.

О какой гнилости говорю я, ругаясь за столь суровый приговор? Какие болезни получил Второй Рим в наследство от Первого?

Если говорить упрощенно, Византия унаследовала общество, лишенное естественной иерархии, национальной и социальной. И еще усугубила в своем кратком существовании оба эти недостатка.

Как известно, любое здоровое биологическое сообщество естественным образом подразделяется на четыре категории: высокоранговые особи, средневысокоранговые, средненизкоранговые и низкоранговые, которые распределяются по «кривой Гаусса»: минимальное количество по полюсам, максимальное – между полюсами. В мире есть единственное идеальное человеческое общество, мудро организованное в соответствии с этим законом природы: это разделенная на четыре основные варны (касты) Индия, хотя в XX веке разложение коснулось уже и ее. Подобное устройство явилось залогом социальной стабильности полуострова на протяжении более двух тысяч лет.

Таким был когда-то и Рим периода республики. «Сенат и народ правят Римом» – в этом слогане было отражено мудрое государственное устройство. Аристократическая олигархия (элита) вела страну по пути побед и успехов, а единокровный ей, плоть от плоти, народ имел твердые гарантии того, что этот путь обеспечивает и его конечное благо.

Относительно небольшое количество рабов обслуживало все слои общества. Все было хорошо.

Мину под это правильное устройство подложило рабовладение, неуклонно расширявшееся вследствие военных побед и изменявшее социальные и национальные пропорции государства. Абсолютное большинство рабов были инородцами, представителями этносов, побежденных римским оружием. Однако, в отличие от индоариев, изначально превративших покоренных дравидов навечно в шудр и организовавших свою (и их!) жизнь по имевшим религиозную силу законам Ману, древние римляне не догадались закрепить кастовое деление общества. Не догадались на уровне религии сделать неизменяемой социальную принадлежность хотя бы только высокоранговых и низкоранговых слоев.

Что получилось в результате?

Уже в I в. вольноотпущенников в Риме было так много, что Тацит заметил: «Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорожденных» (Анналы, XIII, 27). Императоры, ведя вечную борьбу с аристократией, охотно опирались на этот слой, национально, как правило, чуждый и даже враждебный (представители побежденных и поработанных народов, как-никак) римскому этносу. В этой борьбе императоры находили союзника и среди римских плебеев. Недаром, когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой этничности заправляют делами в государстве и «угнетают» его: пролетарии не имеют не только Отечества, как заметил Маркс, но и национальности. Лишь бы не своя родная, хорошо знакомая и ненавидимая всей душой аристократия! Вот как смотрели на дело простые римляне.

Впрочем, что такое были к тому времени «простые римляне»?

Как известно, до Гая Мария, полководца «из простых», римского гражданства не имели не только иноплеменные представители побежденных народов, но даже италики, за исключением собственно римлян – коренных жителей Лациума. Благодаря чему римляне и оставались римлянами и могли вести осмысленную внутреннюю и внешнюю политику, подчиненную истинно национальным интересам.

Все подданные империи, вполне понятно, стремились к обретению римского гражданства и даже готовы были воевать за это. И первая гражданская война в Риме произошла именно из-за этой проблемы. Рвавшийся к диктаторской власти негодяй Марий, решив опереться на жаждавших полноправия италиков, щедро подарил им римское гражданство, чем, собственно, и вызвал гражданскую войну. Поскольку Рим восстал против этого самоуправства, не желая делиться своим исключительным положением. С огромными обоюдными человеческими потерями разгромив подлого популиста и приняв от Сената полномочия диктатора, аристократ Корнелий Сулла не решился, однако, отобрать у италиков раз подаренные права, понимая, что в этом случае он не закончит гражданскую войну никогда. Так был дан необратимый ход истории Рима в дурном направлении. Гибель Римской республики была предreshена.

Кто такие были теперь римляне? Этническое наполнение этого слова-символа непоправимо изменилось – и продолжало изменяться все сильнее с каждым десятилетием. Особенно с установлением власти императоров, для которых национальная принадлежность их подданных не имела принципиального значения, как им казалось, в отличие от их количества.

Юлий Цезарь и Октавиан Август еще мыслили и вели себя как римляне, но очень скоро все изменилось. Преемник Калигулы Клавдий I (ум. в 54 г.) охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменникам – грекам и варварам, за что его клеймил в стихах Сенека. Но голос философа был бессилён что-либо изменить. При его воспитаннике Нероне (ум. в 68 г.) в Риме чужеземцев уже было больше, чем коренных римлян, и ему оставалось лишь сетовать: «Взгляни на многочисленное население, которое едва помещается в зданиях этого громадного города; большая часть этой толпы не имеет отечества, а собрались эти люди сюда из разных мест и вообще со всего света» (Утешительное письмо к Гельвеции, 6, 2).

Процесс шел крещендо. Вскоре он затронул уже не только плебейские, а и аристократические круги римского общества: Веспасиан в 73 г. ввел в состав сената и всадничества жителей Италии и провинций. Во время правления Антонинов от Траяна до Коммода (91 – 192) «для провинциалов широко распахнулись двери Рима» (Федорова). Адриан

стал брать в легионы не только римских граждан, но и жителей провинций, чем способствовал варваризации армии. Наконец, в 212 г. император Каракалла (сам полусириец-полуфиникиянин, выродец, убивший собственного брата Гету и свою жену) издал эдикт, которым права римского гражданства получило практически все свободное население Римской империи.

Пали последние рубежи, произошел качественный скачок, сменился – ни много ни мало – субъект истории. На смену бывшей римской нации времен республики пришло римское согражданство.

Рим окончательно перестал быть Римом, а римляне – римлянами. Римом стало некому гордиться, Рим стало некому любить, некому защищать, ведь вся эта масса «римских граждан», за исключением уже немногочисленных и не сохранивших свою породу потомков жителей Лациума, была связана с этим гордым именем лишь номинально. Для абсолютного большинства подданных Рим ассоциировался с насилием, войной, угнетением, с вековой борьбой их собственных этносов *против* Рима... Что же им было любить, защищать, чем гордиться? Попользоваться благами римского гражданства – это за милую душу, но умирать за Рим?!

Одновременно с размыванием этнической основы Рима, закономерно шла его культурная деградация. Это коснулось главного: веры, языка, искусства.

В столице ойкумены утвердилось множество иноземных культов, особенно восточных, так что в IV в. Рим заслужил имя «Храм всего мира» (Аммиан Марцеллин, XVII, 4, 13). Но историк Тацит дал этому более жесткую и верную характеристику: «...в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и негодное и где оно находит приверженцев» (Анналы, XV, 44). В условиях бесконтрольного наплыва инородцев истинным римлянам было невозможно сберечь религию отцов: плохой признак скорой исторической гибели.

Последние великие произведения римской литературы относятся к рубежу нашей эры; это неудивительно, поскольку вскоре латынь перестала быть национальным языком истинных римлян. Этот язык умер заживо, он перестал жить живой жизнью породившего его народа, превратившись в чисто служебное средство межнационального общения. Из латыни, образно говоря, вынули душу (то же самое сегодня происходит с русским языком, так что много объяснять здесь не приходится).

В этнически смешанном обществе сам собою выродился художественный вкус, а с ним зримо упало великое античное искусство архитектуры и скульптуры, особенно скульптурного портрета, в нем начинают доминировать явно денгенеративные типы – результат расово-этнического смешения... Но только ли скульпторы виноваты в том, что начиная с Валентиниана III портреты римских императоров напоминают тупые, дегенеративные морды бандитов-многоборцев с низкими лобиками, мощными челюстями и жесткими складками губ?

Слом национальной, этнической иерархии сопровождался в императорском Риме доламыванием и социальных перегородок, установлением так называемых «социальных лифтов» (надо сказать, совершенно противоестественное, уродливое и злобредное явление, порожденное порабощением инородческих элит). Процесс затронул и сам институт императоров, в результате чего на римском троне стали возникать фигуры странные и чуждые традиционному римскому обществу. Попросту сказать, инородцы и маргиналы.

Первый неримлянин во главе империи, император Траян родился не в Риме, а в городе Италика в Испании. Но с ним Риму, можно сказать, еще повезло. Траяну довелось бороться с поднявшимися варварами (впервые после Карфагена и Митридата); он разгромил даков и парфян, усмирил Месопотамию и Армению. Однако успех был непрочен. Траян умер в ходе волнений в Вавилонии, Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте, Кирене, на Кипре и в Парфии. Его преемнику Адриану пришлось отпустить с миром Парфию и Армению, снять дань с Месопотамии.

Впрочем, могли ли императоры-неримляне (Адриан, кстати, первый император, на греческий образец не бривший бороду, не зря в юности его прозывали «греченком»), опиравшиеся на неримское «римское» население, противостоять возросшей активности вражеского варварского мира? Что для них был Рим? Римские интересы? Пусть на эти вопросы читатель ответит себе сам, ознакомившись с кратким перечнем этно-социальных девиантов в императорском звании.

Убив Пертинакса (193 г.), преторианцы впервые выставили императорский трон на торги. Началась междоусобица. Дидий Юлиан (купивший трон богач) был убит, и власть захватил Септимий Север, родом ливиец. Первый инородец на троне Рима, он на всю жизнь сохранил африканский акцент (его сестра так и не выучила латынь). Римляне считали его варваром. Его жена – финикийка Юлия Домна – родила чудовище: Каракалла. Он «был первым римским императором, на которого легла печать явной варваризации» (Федорова). Водился с германцами, подражая им в одежде и даже одевал парик блондина, расчесанный по-германски. Поклонялся при этом богине Изиде. Его убил и наследовал трон Макрин – бывший раб, варвар и простой воин. Рим неостановимо катился в пропасть. На смену Макрину пришел внучатый племянник Юлии Домны из Финикии, жрец финикийского бога солнца Гелиогабал. Дегенеративного вида, он носил варварскую пышную одежду, золотые украшения, плясал перед алтарем с финикийками, а римская знать безучастно смотрела на это, как в театре. Добивался, чтобы Рим чтит только бога Гелиогабала, настаивал, что в Рим надо принести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения (ведь это все влиятельные члены «имперского народа!»). Приносил человеческие жертвы...

Это, конечно, уже был не Рим. Но что-то еще теплилось: Гелиогабала убили, тело выбросили в Тибр, а сенат запретил память о нем.

Не помогло. Хотя в марте 235 г. «династия Северов, открывшая варварам путь к римскому престолу, сошла с арены истории» (Федорова), но на трон тут же сел Максимин Фракиец, пастух, воин-силач, «подлинный варвар» без всякого интеллекта. После его убийства на трон претендовал Канелиан, опиравшийся на мавров и карфагенян. В 244 г. на трон вступил Филипп Араб (как характерны эти прозвища-этнонимы!), при котором Рим отметил свое 1000-летие в 247 году.

Это знаменательно: путь империи к закату зримо выразился в данном факте. Власть варваров над мировой державой становилась все возможнее и неизбежнее.

Не стало Центра, не стало государствообразующего этноса – римлян. Некому и незачем стало все держать, сопротивляться разложению и внешней экспансии¹. «К IV веку большинство римлян уже разучилось уважать достойные деяния предков» (Федорова); ничего удивительного: это были уже не их предки. Невероятно, но факт: когда в 410 году Рим пал после третьей осады Алариха, это событие не нашло достойного отражения в литературе. Всем уже было все равно, «новые римляне» уже не видели особой разницы между собою и варварским миром и готовы были слиться с ним в одно целое. Что и произошло в 476 году, когда варвар из племени скиров Одоакр во главе пестрой смеси племен овладел Римом, но не ушел, разграбив, а остался править Италией...

Такого финала следовало ожидать, ибо еще при Галлиене (260-268) империя стала сама собой разваливаться на куски: власть над Востоком захватил Оденат, в Греции объявил себя императором Валент, восточное побережье Адриатики оказалось под властью Авреола, Египет захватил Эмилиан, а Галлия провозгласила императором Постума. Удивляться тут нечему. Пока Галлиен развлекался, при нем за восемь лет сменилось 30 (!) тиранов: «эти люди, набросившиеся на императорскую власть из разных частей мира, были настолько малоизвестны, что даже ученейшие мужи не смогли ни много разузнать, ни поведать о них» (Авторы жизнеописаний августов, Тридцать тиранов, I). Галлиен был убит в 268 г., на его место сел иллириец Клавдий II. Аврелиан (270-275) ненадолго восстановил единство империи оружием, но при этом вслед Гелиогабалу возвысил культ единого бога солнца...

Все они правили недолго, никто не протянул и десяти лет. Наконец, в 284 г. сын вольноотпущенника, иллириец или далматинец Диокл стал Диоклетианом. Он правил 20 лет, заимствовав восточные обычаи, требуя повиновения себе как богу и господину. Отчасти эту роль с ним делил его зять и соправитель-цезарь Галерий (дак по матери). Именно при Диоклетиане произошел раздел империи на Западно-Римскую и Восточно-Римскую, что послужило началом феномена Византии.

Итак, Византию породил Рим, а отделили – урвали для себя – августы-правители, чем спасли ее от участи Западной империи. В борьбе с готами и гуннами (основной опас-

¹ Со временем распад, разложение и многовековое запустение некогда великой страны, потерявшей своего создателя и хозяина, привели даже к появлению диких волков в папских садах Ватикана (XV век).

ностью того времени) Восточная империя поплатилась лишь временными потерями. Но при этом Византия – Второй Рим – унаследовала, впитала в себя все, чем был гнусен Первый Рим эпохи упадка. Из этого упадка, как из помойной ямы, она и произрастала, с него началась.

Без хозяина

...Всяк сущий в ней язык...
А.С. Пушкин

Никакой «византийской нации» не было никогда. Было византийское согражданство. И была страна, разноплеменным согражданам которой временно было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они платили огромные налоги (а куда денешься?), содержа наемные войска и откупаясь золотом и шелками² от нашествий врагов.

Какой народ создал эту страну, Византию? Такого народа не было и нет.

Византия доживала и дожевывала остатки двух великих империй. Во-первых, Александра Македонского, породившей некогда феномен «эллинизма» на этих территориях, а во-вторых – непосредственно Римской, о чем сказано выше. Но к моменту, когда Византия начала самостоятельный путь в истории, ни эллинов, ни римлян в их настоящем значении уже давно не существовало. Словом «эллины», кстати, в христианской Византии было принято обозначать язычников.

Какие же скрепы удерживали эту страну от распада в течение тысячи лет? Среди них мы не найдем главную: единый государствообразующий народ. Византия изначально не имела этнического стержня. Нам иногда подсказывают: это, мол, были греки. Но это неправда. Греки занимали лишь небольшой сегмент в народонаселении Византии и никогда (покоренные и поработанные римлянами еще в 146 г. до н.э.) даже не пытались ее создавать. Они только научились в ней выживать, используя географически центральное положение в стране и прикрываясь со всех сторон другими народами, – но не более того.

Даже и сам-то изначальный Византий, мегарская колония, не был цельногреческим. При своем основании, около 658 г. до н.э., коренное население (аргосские пеласги) было недорийским и вело распри с колонизаторами – дорийской аристократией. Затем из Египта явились лелеги, потом добавились ионяне... Покоренные дорийцами, они все попали под власть Коринфа, но со временем Мегара отделилась и Византий зажил независимой жизнью.

Достаточно взглянуть на карту этносов «Большой Византии» IV-V вв., чтобы убедиться в том, что так называемые «греки» занимают весьма малую часть этого лоскутного одеяла. Правда, в этой части находилась столица империи – Константинополь, но и ее население было этнически неоднородным. А всего в Ромейской империи (так она себя называла) компактно проживали – не поленись перечислить только крупные народы – даки, фракийцы, иллирийцы, македонцы, греки, лидийцы, фригийцы, исавры, галаты, армяне, арамеи, сирийцы, арабы, ливийцы, евреи и копты. Конкуренция за власть и влияние, за роль государствообразующего этноса между многими из них была постоянной. Конкуренция не была здоровой, она не укрепляла, а наоборот, расшатывала страну. Различия в быту, морали, культуре и т.п. между этническими регионами были настолько велики, что существовали даже специальные кодексы для провинций (иудейской, персидской, эллинской и т.д.) применительно к местному обычному праву.

В будущем к этим народам добавятся и иные: болгары (сложносоставной тюрко-славянско-фракийский этнос), готы, лангобарды, славяне и др., не считая малые племена, диаспоры и дисперсно проживающие этносы, имя коим легион. Вся эта пестрая смесь именовала себя не греками и не эллинами, а только «ромеями» («римлянами»), подчеркивая этим, что речь идет не о нации, а о согражданстве.

² В VI в. при Юстиниане секрет шелка стал казенной монополией и главный мировой рынок этого продукта переместился в Константинополь. А шелк стоил дорого: еще в III в., к примеру, 1 фунт китайского шелка уходил за 1 фунт золота.

В кругу византологов XIX века сложилось мнение о «византизме» как духовной данности, выражающей некую духовную общность Второго Рима. Авторитетный специалист Ф. Успенский писал по этому поводу: «Как выражение политических, культурных и этнографических особенностей, характеризующих Восточную Римскую империю, византизм проявляется в следующих конкретных признаках: 1) в постепенной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим; этот процесс начинается в VI в. и завершается в VII и VIII в.; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; эта борьба знаменуется появлением на престоле и в высшей военной и гражданской администрации представителей разных этнографических элементов, вошедших в состав империи; 3) в памятниках искусства; так, монеты с VII в. представляют новый тип в изображениях головы, указывающий на появление новой расы; 4) в литературной производительности, характеризующейся выработкой оригинального мировоззрения под влиянием эллинических и восточных философских идей, преобладанием мистики и узкого консерватизма; наконец, 5) в забвении преданий классического периода, на место которых выступают восточные, по преимуществу иранские»³.

Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая, якобы, собою имперское пространство? В этом приходится усомниться. Уже и в формулировке Успенского заложена мысль о противоречиях между эллинистическим, римским и различными восточными (еврейскими, персидскими, сирийскими, финикийскими, арабскими) влияниями, о политическом противостоянии византийских этносов. Эту мысль хочется конкретизировать.

Что правда, то правда – эллинистическая культура, еще в IV веке до н.э. распространившаяся на этих землях с приходом Александра Македонского, служила некоторой общей основой для взаимопонимания названных народов. Римское согражданство добавило к этой основе также некоторое сознание общности. Но лишь до поры до времени. Как, впрочем и остальные две скрепы империи: язык и христианская вера. Других скреп не было, да и эти были далеко не надежны.

Для начала о языке. Обратим внимание на яркий и характерный факт: Византия вообще не дала образцов высокой литературы во всех основных ее родах – поэзии, прозе и драматургии⁴. Говоря о сколько-нибудь выдающихся памятниках византийской словесности, имеют в виду лишь житийную литературу, ораторское искусство, памятники юридической и исторической мысли, эпистолярное наследие. Но не собственно литературу, где особых достижений не отмечено. Точно так же, как и Рим, по сути, прекратил литературное творчество после Вергилия и Овидия.

Причина этого одна и та же. Латинский язык с течением времени потерял значение национального языка латинян и превратился в служебный язык межнационального общения множества народов Римской империи; точно то же получилось и с греческим. Да ведь он и не был изначально соприроден огромному большинству населения Восточно-Римской империи, хотя и не совсем чужд благодаря походу Александра. Вытеснив (за долгие пятьсот лет!) совсем уж чужеродную латынь, греческий язык так и не стал, не мог стать родным для всех народов Византии. Один чужой язык сменился в империи другим чужим языком, только и всего. А что же можно создать на служебном языке, который не является органическим порождением тела и души народа, который не связан тысячами незримых нитей с самыми глубинными его корнями? Только служебную же литературу, преследующую вполне практические, далекие от чистого искусства цели. В многонациональном имперском сообществе по-другому и быть не могло.

Интересно, что латынь, преобразовавшись вначале в вульгарную латынь (язык межнационального общения почти всей Европы), в дальнейшем эволюционировала в пределах Италии и вернула-таки себе значение национального языка – итальянского для итальянцев. Что немедленно дало себя знать в великолепных достижениях итальянской литературы уже в раннем средневековье. Да и в других странах к моменту гибели Второго

³ Ф. Успенский. Византия. – Энциклопедический словарь. Т. VI. Венцано – Винона. – СПб., Брокгауз и Ефрон, 1892. – С., 251-260.

⁴ Ср.: «Византийская литература бедна жанрами, которые сейчас называются беллетристическими». – Полякова С.В. Из истории византийской любовной прозы. – Византийская любовная проза. – М.-Л., Наука, 1965. – С. 113.

Рима уже существовала Большая Литература на национальных языках. Но в Византии ничего подобного не произошло: здесь некого поставить в один ряд с Петраркой, Данте, Бокаччо, Чосером, Вийоном, куртуазной поэзией Прованса и Бургундии, Эразмом Роттердамским, Себастьяном Брандтом и др. Это немотствование входит в общий счет, по которому византийцы расплачивались за бремя империи.

Своеобразной реакцией собственно греческого этноса на присвоение его национального языка всем населением Византии и на низведение этого языка до уровня служебного явилось возникновение так называемых социолектов: по сути, двух разных греческих языков – языка простонародья (и инородцев) и языка рафинированной интеллигенции. Это разделение сопровождало постепенный переход от старогреческого к новогреческому языку и сохранилось до наших дней. Общеупотребительный, расхожий язык оказался отделен от языка образованных слоев, нарушилось живое единство не только национального языка, но и народной души и судьбы греков. Литературное бесплодие – прямой результат этого уродливого явления. А оно, в свою очередь, прямой результат уродливого общественного устройства.

Так обстоит дело с языковой скрепой империи. Не лучше было и с религиозной: перипетии вероисповедного бытия Византии поистине драматичны, полны ужасных и отвратительных подробностей. «Великая христианская империя», как нам ее представляют, никогда не жила устойчивой, благополучной, уверенной в своей истинности духовной жизнью, но напротив, все время содрогалась в конвульсиях борений, порой кровавых. Лично я всегда с сокрушением сердечным думаю о том, из каких недостойных рук мы получили светоч христианства.

Можно для примера вспомнить про чудовищный погром и зверства, которые иудеи учинили в 614 г. христианам, воспользовавшись взятием Иерусалима войсками персидского шахиншаха Хосрова II. Ответный погром и выселение евреев из Иерусалима произошли после возвращения в лоно Византии в 630 г. (последовал и эдикт о насильственном крещении иудеев, увы, не последний).

Но даже и в самом Константинополе хватало поводов для распрей. Это касается как довольно длительного периода сосуществования христианства и язычества со спорадическими «одержаниями верха» то одним, то другим (чего стоит только тезис Юстиниана Великого: «Язычников не должно быть на земле!»), так и систематического возникновения поистине соблазнительных и сокрушительных толков и ересей. Моря крови и слез пролилось из-за таких вещей как арианство, несторианство, павликианство⁵, монофизитство, богумильство, монофелитская уния⁶ и др., включая страшные сто лет иконоборчества и разделение церквей в 1054 гг. Понятное дело, все эти уродства и отклонения четко и определенно базировались на почве национальных различий, находивших себе выход в различиях религиозных.

Измученное внутренними вероисповедными неурядицами византийское православие в конце концов сдалось на милость победителя и согласилось на унию с римской церковью (Лионский собор 1274), просуществовав всего лишь двести двадцать лет после разделения церквей⁷... Сие, как заметил Успенский, не только не принесло «ожидаемых выгод, но напротив, сопровождалось прямым ущербом для империи». Последние 180 лет своего существования Византия провела под приглядом римских пап, которые, однако,

⁵ Многовековая борьба с павликианством при Василии Македоняине вылилась в настоящую гражданскую войну, когда василевс чуть не утратил власть над всей Малой Азией.

⁶ Монофелитствующие василевсы немало позверствовали над православными, к примеру, старику Максиму Исповеднику отрезали язык и руку, были и массовые расправы. Монофелитство была осуждено при Константине Погонате на VI Вселенском соборе (680 г.), но лишь тогда, когда приверженные унии местности уже перешли к арабам и уния потеряла смысл. Филиппик (Вардан) из знатного армянского рода анафематствовал решения VI Вселенского собора и провозгласил монофелитство государственной религией, но Армения к тому времени уже почти вся отложились, и преемник Вардана пресек его не имеющие перспектив инициативы.

⁷ Датировка церковного раскола условна: Византия никогда не признавала формулу *filioque* – об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына», принятую западной церковью, и Константинопольский собор отлучил папу римского от церкви как еретика именно за эту формулу еще в 867 г. Условна и дата унии, ибо о ней мечтал и готовил ее еще Мануил Комнин в 1160-е гг. А второй раз уния с Римом была подписана в 1439 году, незадолго до окончательного падения.

пальцем не пошевелили, чтобы спасти ее от турецкого ятагана. Жертва оказалась напрасной. Духовная смерть (новая, еще более полная уния) недаром предварила физический конец империи. Нравственная гниль, как трупные пятна, давно проступала на ее теле.

В 394 году Феодосий Великий, родом из Испании, провозгласил христианство единственной религией всей Римской империи. С тех пор многое можно припомнить относительно болезней религиозного роста Византии: взять хотя бы драки ревнителей христианства с не вполне христианизированными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте! Как пишет один из лучших современных византологов С.Б. Дашков: «Вообще, история Византии, особенно ранней, богата волнениями именно на религиозной почве. К началу V в. Константинополь насчитывал от трехсот до пятисот тысяч жителей, и почти половина из них были христиане. Различия в направлениях веры, недовольство существующими порядками, религиозная нетерпимость и борьба на этом фоне столичных политических группировок приводили к тому, что богословские разногласия часто выливались в настоящие побоища, результатами которых пользовались демагоги»⁸. С Юстиниана Второго (669-711), массово сжигавшего еретиков, особенно армянских монофизитов, берет свое начало этот милый обычай. Михаил Первый (ум. в 844) вообще объявил смертную казнь все еретикам без разбора.

Но это все были пустяки и цветочки по сравнению с тем, что началось в VIII-IX вв. Избавляя читателей от массы несимпатичных подробностей, кратко остановлюсь на истории иконоборчества – наиболее яркой странице «духовных исканий» Византии.

Истоки иконоборчества лежат в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две – иудаизм и мусульманство – отвергают всякое идолопоклонство. Под каковой запрет попадают, естественно, любые изображения богов, неважно, языческих или нет. Влияние этой идеи, опирающейся на прямой запрет «сотворять кумиры», содержащийся в обязательном и для христиан декалоге Моисея, охватило не только византийские диоцезы, непосредственно населенные мусульманами и евреями или граничащие с мусульманами – арабами и персами, но и проникло глубоко во все слои византийского общества.

Дело не ограничивается тем, что императоры стремились устранить провоцирующий, раздражающий момент в отношениях с иудейским и мусульманским миром, уничтожить все преграды, камни преткновения, мешающие укрепить там свое влияние. Ревность о «правильном христианстве» раскололо византийское общество сверху донизу. При этом фактор многонациональности проявился весьма четко и напрямую сказался на церковном расколе (как сказался и на русском расколе фактор мордовского происхождения патриарха Никона или греческого братьев Лихудов).

Еще император Филиппик (армянин по имени Вардан), которого называли «сарацински мудрствующим», намеревался в 713 году издать закон против почитания икон, но не успел. Впервые почитание икон было официально запрещено в 730 году императором Львом III Исавром⁹ (были уничтожены многие тысячи икон, фресок, мозаик, статуй и алтарей), впоследствии иконоборчество было активно поддержано Львом IV Хазаром, наконец, оно, после временной отмены, снова было возобновлено в 813 году Львом V Армянином. Не имея возможности подробно анализировать здесь этническую базу конфликта, я призываю читателя обратить внимание на прозвища-этнонимы главных акторов иконоборчества, они о многом говорят. Как прямо пишет Дашков о Льве Исавре, в утверждении иконоборчества свою роль сыграло «прежде всего его восточное происхождение (иерархи Малой Азии еще в 724 г. открыто выступили против почитания икон, которого, кстати, христианство первых веков не знало)... Противники Льва III упрекали его еще и в «сарацинолюбии» – чрезмерном увлечении арабской культурой и внимании к доводам мусульман и иудеев против «идолов». Что не помешало ему в 723 г. издать эдикт о насильственном крещении иудеев и монтеистов.

⁸ Дашков С.Б. Императоры Византии. – М., Красная площадь, 1996. – С. 28-29.

⁹ Исавры – воинственный народ Малой Азии, языковая принадлежность неизвестна; Лев Гумилев считал их потомками киликийских пиратов. Были завоеваны Римом в войне с Персией, частично переселены во Фракию. Исаврийская династия правила в Константинополе с 717 по 802 гг., основные эпизоды иконоборчества развернулись при ней.

Следует отметить, что традиция иконописи вообще сформировалась в христианстве довольно поздно, только к VI веку (хотя первым иконописцем принято считать евангелиста Луку, родом грека, написавшего портрет Божьей Матери), и уже в ранние века вызывала протест у таких видных богословов, как Евсевий Кесарийский, Епифаний Кипрский, Севир Антиохийский и мн. др. Однако государственный запрет на иконопочитание привел к разделению византийского согражданства на иконодулов и иконокластов, по стране покатались восстания, в Греции и на островах Эгейского моря поднявшееся население провозгласило своего императора, годом позже восстала Равенна, против Льва Исавра выступил римский папа Григорий II, Латеранский собор 731 г. осудил иконоборчество, в ответ на что Лев перевел римские епархии на своей территории под юрисдикцию константинопольского патриарха...

Лев Исавр умер, успев женить своего сына Константина Копронима («Говноименного») на дочери хазарского кагана. Дальнейшие гонения на иконы связаны с этим персонажем (созванный им в 754 г. собор объявил еретиками всех «древо- и костепоклонников»). Копроним разрушил множество столичных и провинциальных монастырей, отобрал у них земли, расстриг и отдал в руки палачей тысячи «мраконосителей» (монахов). Однако иконоборческое духовенство, а оно также было значительным, император не трогал. Не преследовал он и многочисленные ереси, к примеру павликианство. «Последующие массовые кровавые расправы с ними православных монархов, вне всякого сомнения, затмили все казни иконодулов при Копрониме» (Дашков).

Его сын Лев Хазар правил недолго (возможно, был отравлен), но успел в 780 г. осудить и сослать многих влиятельных иконопочитателей, а свою жену Ирину, им покровительствовавшую, выслал из дворца за обнаруженные в ее спальне две иконы.

Ирина была природной гречанкой из Афин; овдовев, она немедленно занялась восстановлением иконопочитания и провела с этой целью в 787 г. Седьмой вселенский собор с участием папских легатов. Уступив на время, под давлением войск стратига Армениака (армянина), престол своему сыну Константину VI, она затем устроила переворот, ослепила (!) сына и вернула себе всю полноту власти, но была свергнута логофетом Никифором (арабом) и кончила свои дни в изгнании на Лесбосе.

Сменив на троне погибших в войнах Никифора, его сына Ставракия и куропалата Рангаве (славянина), к власти в 813 г. пришел Лев V Армянин, который поручил ученому богослову Иоанну Грамматику детально разобрать вопрос об иконопочитании. Грамматик все взвесил и сделал вывод: поклоняться иконам нельзя. Собор 815 года приговорил: запретить «несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство икон и поклонение им», восстановленное «благодаря женской простоте».

Пришедший на смену Льву Михаил II Травл (фригиец, грубый и невежественный) запретил все дебаты по поводу икон вообще. Поднявший против него восстание Фома Славянин, напротив, был сторонником иконопочитания, но потерпел поражение и после пыток был казнен. Сын Михаила, Феофил, стал последним иконоборческим императором, жестоко преследовал иконопочитателей.

Вдова Феофила, пафлагонянка Феодора восстановила иконопочитание; патриарх Мефодий в 843 году окончательно отлучил иконоборцев.

Эта победа, как указывает Успенский, «знаменует собой преобладание славянских и эллинских элементов над азиатскими». Ведь все императоры-иконоборцы были таковы: исавр, хазарин, армяне, фригиец. За ними стоял соответствующий этнический духовный опыт и предпочтения. А за ними, в свою очередь, – межэтнические противоречия, определяющие обычно все и вся.

Так закончилось самое знаменитое церковное «нестроение», впрочем... та же Феодора незамедлительно обратила свой взор на еретиков, в первую очередь, павликиан (ими, в основном, были сирийцы и армяне, то есть, опять-таки люди Востока). «В области их поселений на востоке страны отправились с карательными экспедициями три военачальника... Павликиан жгли, топили, прибывали к столбам. Во имя православия погибло до ста тысяч человек...» (Дашков). Инквизиторы Германии, Испании и Нидерландов не скоро приблизились к этому рекорду, достигнутому по меркам истории мгновенно.

Не погружаясь в пересказ дальнейших превратностей, претерпленных византийским православием на своем трудном пути вплоть до бесславной капитуляции на Лионском соборе, могу лишь уверить читателя, что этнический фактор всегда проявлялся

здесь в своем решающем значении. К примеру, монофизитство находило поддержку у армян, сирийцев и коптов, богумильство – у болгар и т.д. и т.п. Ведь национальное своеобразие всегда и непременно выражает себя через религию.

Проявлялся этнический фактор и во внутренних распрях. Иногда возникает такое впечатление, что протivoестественное постоянное проживание бок о бок разноплеменных масс заряжало все общество мощнейшим зарядом нетерпимости и агрессии, который только ждал повода, чтобы проявиться взрывом. Как пример можно привести крупнейшее в истории Византии восстание «Ника», которое началось со схваток венетов и праситов (враждующих «димов» – спортивно-политических партий; обратим внимание, что название одной из них есть этноним), но вылилось в неуправляемый погром города, в ходе которого пострадала и варварская дружина, пытавшаяся навести порядок, Константинополь был сожжен и заполнен трупами, мятежная толпа попыталась сместить Юстиниана и посадить на трон его племянника Ипатия, но была раздавлена ворвавшимися с двух сторон служилыми варварскими отрядами Велизария и Мунда... Подобные вспышки агрессии, сопровождавшиеся анархией и погромами только при Юстиниане повторялись еще дважды. При Фоке или Иоанне Кантакузине (но не только) вражда партий обретала характер гражданской войны. И т.д.

Не случайно столичный гарнизон формировался василевсами, как правило, из наемников-неэллинов: армян, фракийцев, варваров и прочих. Чувство этнической инаковости дополнительно консолидировало этих воинов в чужеродной среде горожан, сплачивая их вокруг своего нанимателя, василевса. Хотя и жители столицы, и наемники были все в равной мере согражданами Византии.

Итак, все сказанное помогает осознать очевидное: отсутствие национальной скрепы у Византийской империи не могло быть компенсировано наличием скреп-симулякров: языка и религии. Первичное, изначальное не подменяется вторичным, производным. У Второго Рима не было народа-хозяина, этот факт нельзя ни отменить, ни прикрыть каким-либо флером...

Дом без хозяина непрочен и преисполнен скверн.

Злато и булат

Метались смятенные народы...

А.С. Пушкин

Можно задаться вопросом: как же при всех этих внутренних противоречиях, раздорах и нестроениях Византия умудрялась выживать в недружественном окружении и протянула, все же, целых тысячу сто двадцать три года (если считать от переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 г.). Почему ее никто так долго не мог уничтожить, разорвать, как разорвали Западно-Римскую империю?

На это есть несколько ответов.

Во-первых, Византию, все же, неоднократно и не без успеха разрывали, отдирая каждый раз немалые куски. Своего максимального размера, как в VI веке, она в дальнейшей своей судьбе уже никогда не достигала. К середине XI века она сократилась практически до Балкан и части Малой Азии, а накануне своего окончательного падения и вовсе не имела ничего, кроме столицы.

Во-вторых, Византии долгое время попросту везло. Ее географическое положение позволяло ей, играя на противоречиях могущественных соседей (готов и гуннов, славян и аваров, персов и арабов, русских и болгар¹⁰, турок и монголов и т.д.), нейтрализовать за счет этого непосредственные угрозы своему существованию. Византийцы были искусными дипломатами. Но все угрозы возобновлялись, когда с одной из сторон исчезал проти-

¹⁰ Только чудовищный и неоднократный погром Болгарского царства, учиненный русским князем Святославом, позволил Ромейской империи привести болгар, претендовавших на первенство в ней, к покорности, а там и ликвидировать независимое болгарское царство, включив его в 1018 году в свой состав. Важнейшую в своей истории военную и геополитическую задачу ромей решили русскими руками и русской кровью.

В-третьих... Но тут надо обратиться к военной истории Ромейской империи, которая заслуживает самого пристального внимания. Характерные особенности имперского бытия проявляются в ней очень выпукло.

* * *

Византия была относительно слаба в военном отношении. Она вполне соответствует поговорке «молодец против овец, а против молодца – сам овца». Когда Византия оказывалась лицом к лицу с настоящей силой, с истинными воинами, ее тут же ждала либо постыдная капитуляция (как перед князем Олегом в 907 г.), либо полный разгром (крестоносцы в 1204 г., турки-османы в 1453 г.). Поражение, которое нанес в 971 году наш князь Святослав *вдесятеро* превосходящим силам ромеев, красноречиво иллюстрирует этот тезис. В чем тут было дело?

Все началось издавна. «По той причине, что граждане постепенно превращались в закрепощенных налогоплательщиков, Константин [Великий] был вынужден брать в армию все большее и большее число варваров. В римской армии было много скифов, готов и германцев, а при дворе Константина особым влиянием пользовались франки; он был первым императором, который стал делать варваров консулами» (Федорова). Вскоре в армии уже было множество отрядов, где служили инородцы, каждый отряд по отдельности: батавы, герулы, кельты, петуланты и проч. Брали инородцев и просто в ряды солдат в разных гарнизонах, даже готов (их пришлось всех перебить, когда готы и аланы подошли к Константинополю в 378 г.).

Дальше – больше. Начиная с Юстиниана Первого (ум. 565 г.) армия Византии уже была полностью наемной, притом состояла в основном из варварских формирований (готы, гунны, гепиды, даже славяне и пр.). У его главного полководца, великого Велизария, была, к примеру, во время сицилийской кампании 535 года армия, состоявшая из 7,5 тыс наемников-федератов и 4 тыс. личной (!) дружины.

Племена варваров-наемников, т.н. «федераты», поставляли Константинополю воинов определенной национальности за жалование, имея племенных командиров-вождей из своей среды. Такие отряды чуть что поднимали мятежи, если бывали затронуты их национальные интересы, например, возникала возможность поставить василевсом своего человека. Всегда не прочь разбить и разграбить врага послабее, они не очень-то упирались, когда дело становилось слишком жарким. Как таких вести в смертный бой? Никогда Византия не могла навести порядок железной рукой, нагнать на все окрестные народы ужас, как это умел Рим. Никогда никого не могла победить окончательно, как римляне Карфаген, Грецию, Митридата и т.д. Она не могла себе позволить войну не на жизнь, а на смерть (потому что наемники *так* не воюют) и никогда не добивала, не додавливала отраженного врага.

К чему это вело? К примеру, взяв в 540 г. Равенну – столицу державы остготов – Юстиниан увел основные войска, так и не раздавив, не поставив на колени противника. Остготы собрались с силами, избрали королем Тотилу, и за пять лет византийцы лишились в Италии всех своих завоеваний, Рима в том числе. Пришлось заново снаряжать невиданную по тем временам армию в 30 тыс. человек, чтобы с большими жертвами вернуть себе чудовищно обезлюдившую Италию...

Чужа провоцирующую слабость Ромейской империи, ее гнилость, неготовность идти до конца, вечно враждебные соседи непрерывно испытывали и кусали ее со всех сторон. И – что делать! – Византия, негодная к настоящей войне, предпочитала откупаться или подкупать офицеров противника. Неспособным служить в армии и сражаться за свою жизнь и благополучие «гражданам всех сословий оставалось лишь нести на собственных плечах тяжкое бремя налогов, увеличивавшихся год от года» (Дашков). Контроль государства над деятельностью любого производителя или торговца был неслыханно жестким. Такова была заслуженно жалкая участь «сограждан», результат принципиально ложного (многонационального) устройства государства. Ну, а «сограждане», чьи спины были вечно согнуты непосильным бременем податей, пожираемых чужеродной военщиной, мечтали распрямиться и платили «родному государству» всегдашней готовностью к мятежам и переворотам...

При этом получался порочный круг: откупаясь на время от одних врагов, ромеи порождали у других надежды на такое же легкое благополучие. Вырваться из круга было невозможно. Император Маврикий (ум. в 585 г.) попытался снизить плату наемникам, но

малоазийские войска подняли бунт, а когда он, к тому же, отказался выкупить пленных у авар, фракийская армия возмутилась и привела на трон Фоку, а Маврикий с сыновьями был убит.

Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну, бесславно и бесплодно истощая внутренние производительные силы... Наиболее яркий пример – правление все того же Юстиниана Великого, считающееся успешным. К его началу (527 г.) враги уже были везде: на западе империи – королевства остготов и вандалов, на востоке – сасанидский Иран, на севере – авары, болгары, славяне, в т.ч. анты, на юге – кочевые арабские племена. За 38 лет правления Юстиниан воевал со всеми, отбивался успешно (благо был свой гениальный полководец Велизарий), но никого не победил и всех врагов оставил в жуткое наследство преемникам. Беспощадно выжимая из населения деньги, он обращал их на армию и подкупы противника. После его смерти государство осталось обескровленным и нищим, с подорванными силами, недосчитывающимся многих сотен тысяч убитых сограждан.

Идею Византии выразил однажды василевс Константин Багрянородный, считавший, что государство ромеев противостоит всему остальному миру – миру варваров, в борьбе с которым хороши все средства: золото, обман или оружие. Традиционно предпочтение отдавалось первым двум.

Правда, однажды порочная система была сломана. Это сделал император-армянин Ираклий Первый (575-641) перед лицом смертельной персидской угрозы. В 614 г. персы покорили уже всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию, Палестину, Галатию и Пафлагонию. В 618 г. пала Александрия, был взят весь Египет, в Византии начался голод и мор. Тогда Ираклий, выжав деньги даже из церковных сосудов, купил мир с аварами. Потом он набрал войска только из греков и армян, не взяв с собой варваро-федератов, и перестроил армию на новый образец. Она отличалась «не только умением, но еще и высоким духом, твердой дисциплиной и, так как состояла почти вся из коренного населения Византии, патриотизмом» (Дашков). Результат: полный разгром персов, овладение их сокровищами. Византия получила огромную контрибуцию, мир и вернула земли¹¹.

Опыт Ираклия был развит Юстинианом вторым, его праправнуком. Который по образцу древних римлян стал формировать, во-первых, боевые пограничные соединения из местных крестьян (существовали несколько столетий), а во-вторых, стал после 705 г. переходить к формированию ополчения из местных граждан. Принцип фемных войск из крестьян-стратиотов (вместо принципа наемных войск) со временем стал основой византийской армии и, наряду с греческим огнем, изобретенным сирийским архитектором Каллиником (673 г.), позволил на несколько столетий отсрочить роковой конец империи.

Фемный строй окончательно сложился при Константине Пятом (718-775), когда «стратиотское ополчение стало основной силой армии, мощь и многочисленность которой позволили василевсу вести победоносные войны» (Дашков). Хотя военные победы его отца, Льва Исавра, навсегда остановившего экспансию арабов в Европу, и его самого, надолго сокрушившего болгар, были «уравновешены» жестоким иконоборчеством, ввергшим империю в смуту на сто лет.

Никифор Первый установил своего рода рекрутчину, связав землевладение с воинской службой и круговой порукой. Это также сильно укрепило армию. Никифор второй освободил от налога тяжелых конников – катафрактосов – и даже их слуг; и вообще заболтался о стратиотах. Ряд выдающихся побед византийцев, в частности, уничтожение независимости болгар, было плодом такой верной политики.

Впрочем, длился этот период не так уж долго, лет четыреста, а система наемничества никогда никуда не исчезала. Так, в 912 г. несколько сот русских дружинников участвовали в походе логофета Имерия на Крит, захваченный арабами. Со временем усиление

¹¹ Но вскоре все эти земли (да заодно и ослабленный ромеями сасанидский Иран, и Месопотамия) перешли под власть арабов-мусульман, которых радостно встречали не только самаритяне и иудеи, но и монофизиты, ведь раскол среди христиан на несториан, монофизитов и ортодоксов Ромейской империи достиг апогея! Изменил Ираклию и наместник Армении Давид Сааруни... Колосс на глиняных ногах – Византия – снова начал разрушаться.

динатов-землевладельцев (протофеодалов) стало разорять и раслаивать сословие стратиотов, подрывая основу имперского войска. К середине X века все больше стратиотов обнищевало и переставало выставлять ратников, армия из народной стала превращаться в рыцарскую. А новоявленные феодалы самоорганизовывались в систему вассальной зависимости, ослабляя позиции центральной власти. Иностранные наемники вновь начинают играть в армии все более и более заметную роль.

Константин Дука начал экономить на армии, хорошо держа уже только наемную рыцарскую гвардию (из Англии после битвы при Гастингсе как раз бежала масса англосаксов, пополнившая ряды гвардейцев и потеснившая русско-варяжскую «этерию»). И Роману Диогену досталась армия в жалком виде, которая не могла ни сдержать турок на Востоке, ни противодействовать норманнам в Италии. Чрезвычайными усилиями Роман собрал стотысячное войско, но в 1071 г. под Манцикертом был влохк разгромлен мусульманами и сам попал в плен, отчасти из-за предательства знати, недовольной его политикой. Кончилось это гражданской войной, сдачей и варварским ослеплением Романа, умершего затем от сепсиса.

Пасынок Романа Михаил VII довел страну до голода и не платил армии. В результате на имперских землях стали возникать независимые государства, начался распад страны. Появились узурпаторы, против которых Константинополь стал нанимать... турок! И вот уже в 1077 на бывших ромейских землях Малой Азии возник Иконийский (Румский) султанат.

К началу 1090-х гг. положение стало настолько тяжелым, что Алексей Комнин обратился с отчаянным письмом к западным государствам, умоляя придти на помощь гибнущей от печенегов и турок (про норманнов он умолчал) Ромейской империи, которая уже была не в состоянии себя защитить сама. Соблазняя христианских правителей рассказами о религиозных сокровищах и «о бесчисленных богатствах и драгоценностях», накопленных в Константинополе вообще и в храме св. Софии в частности, он писал: «Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников... Мы не можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения».

Император знал, о чем говорил. Ведь это он сам руководил осадой Константинополя и брал его в 1081 году, возглавляя мятеж, и был свидетелем того, как при первой возможности все мятежное войско бросилось грабить город: «Это была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отношению к соплеменникам они вели себя хуже врагов...» (Иоанн Зонара).

Хронист ошибся: они не были соплеменниками – всего лишь согражданами. И вели себя именно по логике согражданства, когда никто никому не брат. Точно так же после падения Константинополя в 1204 году окрестные крестьяне, скупая за бесценок все подряд у вырвавшихся из кромешного ада горожан, злорадствовали: «Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!».

Уже при Алексее Первом Комнине ромейское войско было мало боеспособным: катафракты малочисленны, стратиотское ополчение почти ликвидировано, наемники ненадежны. Теперь вопрос стоял только о том, кто и когда первым нанесет Константинополю смертельный удар, кому достанется главный приз. Но в 1095 г. был объявлен первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке и за это присягали василевсам на верность, участвовали в совместных боевых действиях против «неверных». Смерть империи оказалась отсрочена. Однако ссора Иоанна Комнина с венецианцами заложила мину замедленного действия под это благополучие...

Комнины, как встарь, начали активно вербовать на военную службу иноземцев. Путешествующий еврей Вениамин из Тудели, наблюдатель с острым умом, писал о ромейской армии Мануила Комнина: «Для войны с турецким султаном они нанимают людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления».

Скажу в этой связи снова и снова, что удивление вызывает та счастливая судьба, которая позволила Византии так долго продержаться, балансируя на лезвии бритвы, ибо внутреннего ресурса, какой дается национальным единством, племенной спайкой, у нее не было никогда. Политические, дипломатические маневры, обман и подкуп действовали

долго и успешно, но рано или поздно должен был настать момент истины, час испытаний...

В 1176 году такой час настал, когда огромная (и многонациональная) армия, с трудом собранная Мануилом Комниным, вся полегла в горном ущелье под стрелами и мечами персов и сельджуков. Дальнейшая гибель державы стала лишь вопросом времени. Устроив в ходе очередного мятежа погром квартала, где жили католики из западных стран, византийцы нажили себе врага там, где раньше искали защиту. Теперь уже, к примеру, Фридрих Барбаросса не считал зазорным с боем брать византийские города, продвигаясь на Восток.

А впереди был 1204 год, взятие крестоносцами и венецианцами Константинополя, создание ими своей собственной, Латинской империи с центром в бывшей ромейской столице... По сути, настоящий крах Византии произошел именно в этом году, дальнейшее доживание сокращающейся, как шагреновая кожа, страны было просто медленным умиранием и тотальной капитуляцией. Ничто не могло спасти изжившую себя, промотавшуюся и растлившуюся влох наследницу величайшей мировой империи.

На этом можно было бы и остановить свой рассказ, если бы не одно «но». В результате указанных событий Ромейская империя перестала существовать в 1204 году, а в 1205 году вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» Федором Ласкарисом. Наемников в никейской армии было очень мало, а ее основу составили греческие вотчинники-прониары, получавшие (как потом русские помещики) в управление надельные земли на условиях обязательной службы.

И случилось чудо. Греки, несмотря на ничтожные силы, остановили продвижение латинян, подняли народную войну, а вскоре превратили свою страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Они обратили в бегство превосходящие силы сельджуков, обеспечив мир с ними на тридцать лет. А вскоре и сказочно разбогатели, ведя мудрую экономическую политику. Уже в середине 1230-х гг. Иоанн III Дука стал выдавливать католиков с Балкан, овладел Фракией, выстроил сильный флот. Латинская империя крестоносцев неуклонно сокращалась, а Никейская – росла. В 1261 никейский император Михаил Палеолог взял Константинополь и восстановил Византийскую империю (хоть и в скромных масштабах).

Так было наглядно явлено превосходство национального государства над многонациональной империей.

Увы, превратившись, силою вещей, вновь в многонациональную империю, какой и были когда-то, византийцы обрекли себя на повторную, на сей раз уже необратимую гибель. Вновь вместо соплеменников (основы всякой здоровой, жизнеспособной нации) возникло согражданство – национальный симулякр. Первым симптомом неизбежной гибели стала уния 1274 года, следующим – отдача Михаилом VIII своих дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая, новым – отлучение всех (!!!) жителей Византии от церкви за разврат патриархом Афанасием, далее – союз Иоанна Кантакузина с турками в гражданской войне с Иоанном Палеологом, признание последним сюзеренитета султана Мурада I в 1373 г. и т.д. В 1439 г. в Риме был подписан текст очередной унии, и василевс ромеев коленопреклоненно облобызал руку папы, но это уже не помогло...

Ну, а окончательно гибель состоялась в ходе турецкого штурма 1453 года (от более раннего падения Византию, как всегда, спас только счастливый случай: «железный хромец» Тимур разгромил и взял в плен султана Баязида).

К тому моменту от империи оставалась, не считая нескольких островов и обезлюженной Мореи¹², одна только запустевшая столица, где проживало всего 35-50 тыс. человек.

Кровавый калейдоскоп

И высились, и падали цари...

¹² Т.н. «Трапезундская империя», практически независимая от Византии, отделенная от Константинополя Иконийским султанатом и являющаяся подданой Османов, в счет идти не может.

Ромейская империя от первого до последнего дня управлялась императорами. Постичь историю византийских династий значит постичь историю Византии.

Недаром говорят в народе «каков поп, таков и приход», «рыба тухнет с головы» и т.д. Историю византийских императоров, претендентов и узурпаторов, их борьбы за власть, восхождений на престол и падений нельзя читать без дрожи омерзения. На страницах этой истории справляют свой триумф невежество, алчность, коварство, похоть, предательство, жестокость, бесстыжая демагогия и прочие пороки всех сортов. Жизнь двора, вообще высших кругов, соответствовала сему. А жизнь всей страны просто-таки стояла на том¹³, порождая и поддерживая саму систему до последнего дня, до могилы.

Почему?

Некогда республиканская идея вознесла Первый Рим на высоту господства над миром. Ее падение, начавшееся еще в конце старой эры, достигло своего дна во Втором Риме, найдя самое совершенное воплощение в идее священного и богохранимого самодержавия. В наследство от императорского Рима эпохи упадка Ромейской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде: система выборных императоров. То есть, строй, противостоящий принципам не столько аристократии или республики, сколько меритократии, в результате чего кто только и как только не возносился на верх государства!

Династический принцип передачи власти по наследству оформился лишь в последние часы Византии. Когда, как отмечают историки, «под впечатлением событий, имевших место после брака Зои с Романом III, среди знати склонность захватывать корону превратилась в настоящую эпидемию» (Герцберг). Таков был закономерный конец института выборных императоров – «демократической монархии». В борьбе за трон претенденты не раз приводили на родину внешнего врага или делали ее заложницей своих распрей¹⁴.

Но до этого в ней господствовали позднеимперские порядки, когда в результате действия «социальных лифтов» на троне мог оказаться любой. Как писал по этому поводу в XIII веке Никита Хониат: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтийскую свинину [т.е. дешевое мясо дельфинов], а теперь совершенно открыто изъясляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыжие глаза, и употребляли в качестве сватов, или лучше сводников, продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов... О знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, – кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?».

Воля простонародья проявлялась в этом очень часто. Более того: перед нами своего рода «византийская мечта» (по аналогии с нынешней «американской мечтой»). Характерно пишет Константин Багрянородный в оправдание возвышения своего родоначальника, Василия Македонянина: «Случилось такое по мольбам людей вельможных и простого народа, а также войска и военачальников, и всех жителей всех земель и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришел к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обирают их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам, а всего этого хватало в царствие Михаила» (благодетелю Михаилу, возвысившему Василия, кстати, отрубили руки и зарезали его при кровавом воцарении деда писателя). Таких вот «вкусивших низкой судьбы» немало в истории византийских династий.

¹³ Хронист X века Лев Диакон так заклеил это свойство ромеев: «Тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость по время переворотов, – людей прельщали надежды на призрачную славу, почетные звания и раздачи денег».

¹⁴ Яркий пример: стремясь помешать захвату власти Романом Лакапином, военачальник Лев Фока во время ожесточенной войны с болгарам бросил свое войско и помчался к Константинополю. Сам он был разбит и ослеплен, а царь болгар Симеон, влох разгромив брошенное на произвол судьбы войско ромеев и дойдя в 912 г. до Константинополя, добился независимости своего царства и объявления себя кесарем.

Не менее часто трон делался залогом национальных отношений в империи. Исаврийская, сирийская, македонская, армянская, фракийская, иллирийская династии сменяли друг друга, временами открывая дорогу к власти арабам, грекам, славянам... Одноплеменная избраннику знать, соответственно, каждый раз «перетягивала одеяло» на себя.

Здесь мне прилично умолкнуть, и пусть за меня доскажет простой перечень восточно-римских василевсов и претендентов на престол. Да пошлет небо выдержку читателям при этом отвратительном чтении!

Аркадий, сын Феодосия Великого, умер сам. Вестгот Гайна поднял в 399 г. мятеж. Разбит, отрезали голову. Феодосий II, умер сам. Маркиан, простой воин, неграмотен, необразован. Отравлен. Лев I, фракиец, в молодости был мясником. Посажён на трон варваром патрикием Аспаром. Умер сам. В 475 г. мятеж вдовы Льва I Верины и ее брата Василиска. Василиск, узурпатор, разбит, уморен голодом в крепости. 479 г. восстал Маркиан, зять Льва I, пострижен в монахи и заточен. 480 г. магистр Илл взбунтовал сирийские легионы, Леонтий Сириец провозглашен императором, в 482 г. восстание перекинулось в Египет, но в 484 г. Илл и Леонтий разбиты. Однако разбивший их остгот Теодорих, консул того года, взбунтовался сам. Его удалось уговорить идти на Рим. Илл и Леонтий были убиты, их головы на пиках выставлены на ипподроме. Лев II. По слухам отравлен своим отцом Зином. Зинон Исаврянин. То ли умер от эпилепсии, то ли был похоронен мертвецки пьяным, несмотря на его крики. Анастасий Дикор, иллириец. Умер сам. В 493 г., Лонгин, брат Зинона, пытался, опираясь на исавров, осуществить переворот. Разбит, пострижен в монахи. В 513 г. крупнейшее восстание Виталиана, заручившегося поддержкой болгар и славян, а также федератов придунайских областей. Объявил себя защитником православной веры против императора – монофизита Анастасия. Был разбит в 515 г., в 520 г. погиб от покушения. Юстин I, сын бедных иллирийских крестьян. Умер сам. Юстиниан I Великий. Племянник Юстина, иллириец, возможно славянин. Умер сам. Феодора, вдова Юстиниана, родилась в Сирии, отец смотритель медведей в цирке, сестра проститутка, сама гимнастка и мим, также торговала собой (о ее распутстве ярко написал Прокопий Кесарийский). Ради нее Юстиниан уговорил царствующего дядю издать указ, разрешавший сенаторам заключать браки с бывшими актрисами и проститутками. Детей от Юстиниана не было. Умерла сама. Простой воин Стоца поднял войско, в 545 г. убит в бою. Ипатий, племянник Юстиниана, насильно посаженный на трон обезумевшей толпой. Обезглавлен. Юстин был «превентивно» обезглавлен двоюродным братом Юстином II, который еще и попирал отрезанную голову ногами вдвоем с супругой в припадке исступления. Юстин II, племянник Юстиниана, от военных и прочих неудач повредился умом, а потом обезножил. Умер сам. София, двоюродная сестра и жена Юстина II. Посадила на трон пасынка Тиверия, которого домогалась без успеха. Умерла, низложенная, под домашним арестом сама. Тиверий II, фракиец. Умер сам. Маврикий, зять Тиверия, армянин. Вывел из-под власти персов и поселил на Крите 10 тыс. армян (вот критяне были рады!). Был убит в ходе мятежа фракийских войск вместе с пятью сыновьями, головы всех были отрезаны и выставлены на позор. Фока, фракийский сотник низкого происхождения, низкорослый, рыжий, с густой бородой и обезображенным шрамом лицом, был посажен на трон мятежной армией фракийцев. В ходе нового мятежа южных провинций, от Египта до Крафагена, ему отрубили руку и голову, тело сожгли. Ираклий I, каппадокийский армянин. Умер сам. Константин III, сын Ираклия, правил всего сто дней, возможно отравлен мачехой. Ираклеон, сын Ираклия от Мартины, племянницы. Отрезали нос, умер в ссылке, возможно убит. Констант II. Перенес, покинув Константинополь и ограбив Рим, столицу в Сиракузы на Сицилию. Был оглушен шайкой в бане и захлебнулся. Валентин Аршакуни правил как регент от лица Константа II, опираясь на армянскую знать. Растерзан восставшими горожанами. После смерти Константа II в Сиракузах провозглашен императором армянин Мизизий, но переворот не удался, он был казнен. Константин IV. Умер сам тридцати трех лет. Ираклий и Тиверий, младшие братья-близнецы Константина IV, малоазиатские войска потребовали их равного участия в правлении по примеру Св. Троицы. Тогда кесарь их помиловал, но в 681 г., когда они сами потребовали того же, отрезал им носы и лишил титулов. Юстиниан II Ринотмет, праправнук Ираклия. В 695 г., после военных неудач, смещен полководцем Леонтием, ему отрезали нос и сослали в Херсонес Таврический. Заключив союз с хазарским каганом и женившись на его сестре, Ринотмет, избегая

предательства и убийства, бежал к болгарам и летом 705 г. привел войско болгар и славян под стены Константинополя. Вернул себе трон, дал титул кесаря болгарскому хану Тервелю, жестоко расправился с врагами. Но в ходе мятежа Филиппика-Вардана был обезглавлен, его голову носили на пике и отослали в Рим и Равенну. Анастасий II. Потерял власть в ходе мятежа, возглавленного стратигами фем, принял монашеский обет, но в 719 г. попытался возглавить мятеж, опираясь на болгар, был казнен. Голову на копье внесли на ипподром. Леонтий III, исавр. Вступил на трон в ходе мятежа. Но и сам потерял его в пользу Тиверия III в ходе нового мятежа, был обезножен и сослан в монастырь, а после возвращения Юстиниана Второго обезглавлен, претерпев издевательства. Тиверий III, друнгарий фемы моряков Кивирреоты (Малая Азия). Вступил на трон в ходе мятежа. Казнен вместе с Леонтием. Филиппик (Вардан) из знатного армянского рода. Вступил на трон в ходе мятежа. Простой оруженосец поднял его, пьяного, с постели, привел в залу на ипподроме и спокойно ослепил, через несколько месяцев он умер. Феодосий III был сборщиком податей в Мизии. Опсикийские военные провозгласили его императором, он бежал, но был пойман и принужден властвовать. Когда малоазийские войска провозгласили императором Льва Исавра, отрекся от престола и спокойно кончил жизнь в монастыре. Василий Ономангул провозглашен сицилийской фемой императором, но мятеж подавлен и претендент бежал. Лев III Исавр. Умер сам. В 726 г. против иконоборцев во главе со Львом III поднялось население Греции и сотровов Эгейского моря, провозгласив императором некоего Косьму, но его флот был разбит, а сам он обезглавлен. Артавасд претендовал на трон после смерти тестя Льва Исавра, но проиграл и попал в ссылку, будучи ослеплен вместе с сыновьями. Константин V Копроним. Отстаивал трон с оружием против зятя Артавасда и племянников. Умер сам. Лев IV Хазар. Возможно, умер от яда. Младшие братья Льва Хазара кесари Никифор и Христофор составили заговор, но были разоблачены и сосланы. Ослепленного Никифора славяне Греции пытались посадить на трон в итоге мятежа. Ирина, регентша, вдова Льва Хазара. Пыталась отстранить от власти подростка сына Константина VI, была отстранена от власти, организовала переворот, свергла и ослепила (!) сына. Была свергнута логофетом Никифором и умерла в ссылке на Лесбосе. Константин VI. После ослепления прожил еще несколько лет под охраной в одном из дворцов, после чего умер. Никифор I, араб. В ходе переворота стал соправителем Ирины, отправив ее вскоре в ссылку. В войне с болгарам был убит, голову выставили на пике, из черепа сделали кубок. После переворота, сотворенного арабом Никифором, стратиг фемы Армениак Вардан Турок поднял мятеж и подошел к воротам столицы, но признал неудачу и постригся в монахи, сохранив жизнь. Сын Никифора Ставракий умер от раны, попутно низложенный. Михаил Рангаве, зять Никифора. Отказался от власти в пользу Льва Армянина, постригся и умер сам. Лев Армянин, иконоборец, пал в результате заговора Михаила Травла, был изрублен на куски. Его сыновей, как и сыновей Михаила Рангаве, оскопили. Михаил II Травл, фригиец, невежественный и неграмотный. Умер сам. Фома Славянин поднял мятеж против Михаила Травла, опираясь на сарацин, всех еретиков и бедноту, короновался императорской короной, но потерпел поражение и после жестоких пыток подвешен, с отрубленными руками и ногами на фурке – двузубых вилах. Самозванец-регент Евфимий, друнгарий сицилийского флота, погиб, заколотый послами на переговорах. Но перед этим привел на Сицилию мусульман. Феофил, сын Травла. Фригийская династия. Умер сам. Феодора регентша. Отстранена от власти братом, доместиком схол Вардой. Михаил III Пьяница, сын Феофила. Развратник и пустой человек. Позволил своему фавориту Василию Македонянину убить Варду, дядю василевса, реально руководившему (и хорошо) государством. В ходе дальнейшего заговора Василия, пьяному Михаилу отрубили руки и зарезали, а труп завернули в лошадиную попону. Василий Македонянин, основатель «македонской династии», был, однако, армянином. Умер сам после неудачного падения на охоте. Лев VI Философ. Сын не то своего отца Василия (армянина), не то сожителя матери Михаила Третьяго (фригийца). Впрочем, его любили и восхваляли армяне. Умер сам. Александр. Брат Льва Философа. Хотел сместить и оскопить Константина Багрянородного, племянника, но отговорили придворные. Умер, по-видимому, от злоупотребления афродизиаками. Зоя Карвонапсина правила от лица малолетнего Константина Багрянородного после смерти Александра, но Роман Лакапин захватил власть, Константин женил на своей дочери Елене, а Зою постриг и сослал. Андроник Дука поднял мятеж против Льва Философа, снесшись с патри-

архом Николаем Мистиком. Заговор был разоблачен, Мистик отрекся и отправился в ссылку, а Дука прорвался к арабам и принял ислам. Константин Дука (сын Андроника-ренегата), подбитый на это дело возвращенным на патриарший престол Николаем Мистиком, попытался по смерти Александра захватить власть, но, преданный Мистиком, проиграл схватку, в ходе которой ему отрубили голову. Титул василевса получил из рук Николая Мистика болгарский царь Симеон, осадивший Константинополь. Интриган Мистик снова был отстранен Зоей Карвонопсиной, но зато венчал на царство Романа Лакапина, когда тот сбросил Зою. Роман Лакапин, сын армянского крестьянина. Задвинул в тень Константина и провозгласил императорами-соправителями троих своих сыновей, так что на престоле оказалось пять законных василевсов сразу. Своего сына от рабыни-скифянки Василия Нофа велел оскотить на всякий случай. Под конец жизни, разочаровавшись в сыновьях, начал сближаться с Константином, тогда сыновья его схватили, отвезли на о. Прот и насильно постригли, однако сами были арестованы Константином, пострижены и сосланы. Умер сам на Проте. Лев Фока пытался воспрепятствовать восхождению Романа на трон, был разбит и ослеплен. Василий Медная Рука поднял мятеж против Романа Лакапина в 923 г, после разгрома торжественно сожжен на столичной площади. Константин VII Порфирогенет. Вероятно, принимал участие в заговоре против Лакапина, которого не вернул с о. Прот, но сыновей которого, все же, отстранил от власти. Отличался замечательной ученостью. Был, как ни странно, белокожим и голубоглазым. Любил выпить. Умер, отравленный собственным сыном Романом. Роман II. Шокировал свет еще наследником, женившись на дочери харчевника. Отца не любил. Свою мать отстранил от власти и пятерых сестер упрятал в монастырь. Есть подозрение, что был отравлен женой Феофано. Никифор Фока из знатного рода. Был влюблен во вдовствующую Феофано, с которой встречался тайно. Имел поддержку армии и малоазийской знати. В 963 г. провозглашен войсками императором, привел армию под стены Константинополя. Народ взбунтовался, напал на стоявших в городе фракийцев. После нескольких дней уличных боев Фока вошел в город. Зарублен был заговорщиками во главе с Иоанном Цимисхием, которого Фока выслал было; главную роль в заговоре сыграла августа Феофано, спрятавшая у себя в спальне воинов, впустивших заговорщиков. (Она опасалась намерения Никифора оскотить пасынков, ее сыновей от Романа.) Отрезанная голова Фоки, показанная встревожившимся гвардейцам, успокоила их и народ. Иоанн Цимисхий из знатного армянского рода. Первым делом сослал своих сообщников, включая Феофано. Всех врагов побеждал, но был отравлен евнухом Нофом, который заведовал всей внутренней политикой и несправедливо нажил огромное состояние. Василий II Болгаробойца, сын Романа Второго и Феофано. Умер сам. После его смерти за 66 лет сменилось 14 правителей. Мятежный Варда Фока умер во время сражения с войсками Василия II, то ли от яда, то ли от удара. Его отсеченную голову отправили в Константинополь, а потом к восставшим, чем их и успокоили. Мятежный Варда Склир, глубокий старик уже, тогда же выговорил себе почетные условия сдачи. Константин VIII, брат Василия. Любимый им вид наказания – ослепление, «ведь царь не заботился, чтобы наказание соответствовало преступлению, а лишь хотел избавиться себя от беспокойства» (Пселл). Умер сам. Роман III Агрир из знатного рода. Константин предложил ему на выбор: женитьбу на 50-летней Зое, своей сестре, или ослепление. Жена ушла в монастырь, и он женился на Зое. Которая со своим молодым любовником и отравила его медленным ядом, так что он уже при жизни был похож на труп, а труп и вовсе выглядел ужасно. Михаил IV Пафлагон. Любовник Зои, возведенный на трон. Отличался непотизмом. Умер от водянки, приняв схи-му. Возмущение войск подняли Никифор Ксифий и Никифор Фока, но они перессорились, Ксифий убил Фоку, а сам был схвачен и пострижен в монахи. Михаил V, племянник Четвертого, сын судебного конопатчика. При нем воровство и коррупция достигли предела. Зоя посадила его на престол, а он ее сослал и постриг. Народ восстал, Михаила ослепили и сослали. Константин IX Мономах. Женат на племяннице Романа Агрира. Стал третьим мужем 64-летней Зои и василевсом. Умер сам. При Мономахе было много мятежей. Мятеж Георгия Маниака кончился тем, что его убили в бою. Стефан Севастофор поднял мятеж в пользу Льва Лампроса. Обоих ослепили, разбив. Мятеж Льва Торника провалился, его ослепили. Зоя и Феодора, дочери Константина VIII, бездетные, последние представители Македонской династии. Пселл отмечает, что любимым развлечением Зои были плотские соития. Умерли сами. Михаил VI Стратиготик. Ставленник сановников. Обозлил

военных, которые поставили на Исаака Комнина. Тот выиграл битву у Никеи с огромными потерями обеих сторон («вакхическое безумие»). Принял постриг, умер сам как частное лицо. Исаак Комнин. Сын военачальника, воспитанник Василия Болгаробойцы. Защищал бедняков и крестьян. Принял постриг в болезни, пришлось потом впрямь уйти в Студийский монастырь, умер монахом. Константин X Дука. Избран синклитиками. Умер сам. Роман IV Диоген организовал заговор после смерти Константина, но вдовствующая императрица в него влюбилась и не казнила, а сослала. А потом взяла себе в мужа. Кончилось это гражданской войной, сдачей и зверским ослеплением Романа, который в результате умер от сепсиса. Михаил VII довел страну до голода, вызвав мятежи и ряд самозванцев-узурпаторов. Принял постриг, умер сам. Никифор III из рода Фок. При нем войска Алексея Комнина и Георгия Палеолога разграбили Константинополь. Принял постриг. Алексей Комнин, фракиец. Умер сам. Иоанн II Комнин, старший сын Алексея. Отправил в монастырь сестру Анну, готовившую мятеж ради мужа. Умер, ранив себя на охоте отравленной стрелой. Мануил I Комнин. Младший сын Иоанна. Умер сам. Алексей II Комнин. Тайно задушен тетивой лука по приказу двоюродного дяди, тело утопили в море. Андроник I Комнин, в молодости авантюрист и «брачный аферист». Против него стали поднимать мятежи представители аристократии, десятки которых он посадил на кол, сжег, повесил и т.д. Повел репрессии против простолюдинов. Сочетая жестокость и распутство, вызвал ненависть населения. Был пойман Исааком Ангелом. Отрубили кисть, выкололи глаз, посадили голым на облезлого верблюда и вывезли, избиваемого толпой, на ипподром: «одни били его по голове палками, другие пачкали его ноздри калом, третьи, намочив губку скотскими и человеческими испражнениями, выжимали ему их на лицо...» и т.п. (Никита Хониат), подвесили за ноги к перекладине, забили, закололи кинжалами и мечами. Исаак II Ангел был низложен старшим братом Алексеем III, ослеплен и заточен в башню; вернулся на трон, но был вторично свергнут Алексеем V, умер сам. Константин Ангел, двоюродный брат Исаака был ослеплен по обвинению в подготовке мятежа. Алексей III Ангел. При нем коррупция выросла до небес. Бежал, спасаясь от крестоносцев, прихватив казну и любимую дочь, в Адрианополь, потом тщетно пытался вернуть себе престол, но попал в плен к Феодору Ласкарису, был пострижен и умер в монастыре. Алексей IV Ангел, сын Исаака Комнина, бежал к крестоносцам, прося вернуть ему престол, чем и навлек на Константинополь нашествие в 1204 г. Не смог оплатить рыцарям услугу, обещал отдать город Бонифацию Монферратскому, но был пленен Алексеем Мурзуфлом, а потом убит. Алексей V Дука Мурзуфл, устранив конкурента Николая Канаву, попытался выставить крестоносцев из Константинополя и Византии, что кончилось тотальным падением и разграблением города. Попытался сотрудничать с таким же экс-императором Алексеем III, но тот выколол ему глаза в бане, а крестоносцы впоследствии поймали и казнили – сбросили с высокой колонны. Феодор I Ласкарис, первый император Никейской империи, умер сам. Константин XI Ласкарис, брат Феодора, отрекся от престола в пользу брата, погиб при обороне крепости. Иоанн III Дука Ватац, зять покойного Федора Ласкариса. Братья Федора I попытались свергнуть Иоанна, используя крестоносцев, но были пойманы и ослеплены. Умер сам. Феодор II Ласкарис, умер сам. Михаил VIII Палеолог. Основатель последней династии, отбил Константинополь у западных рыцарей. Пытался насадить унию с помощью террора. Когда он умер, всеми ненавидимый, сын его не осмелился торжественно хоронить отца. Иоанн IV Ласкарис, малолетний сын Федора II. Михаил Палеолог ослепил одиннадцатилетнего мальчика и сослал в замок. Впоследствии Иоанн отказался от престола добровольно. Андроник II Палеолог. Уморил в тюрьме брата Константина, вел гражданскую войну со своим порочным внуком Андроником Младшим, но был низложен. Ослеп сам и принял схизму, скончался в крайней бедности. Михаил IX Палеолог, сын и соправитель Андроника II, скончался при известии о трагической гибели старшего сына. Андроник III Палеолог Младший. Отдав распоряжение подстрелить таинственного любовника своей любовницы, ненароком оказался убийцей собственного старшего брата и наследника трона Мануила Палеолога. Известие о чем свело в могилу и отца. Умер сам. Иоанн VI Кантакузин, регент при малолетнем Иоанне V Палеологе. Противостояние двух придворных группировок вылилось в самую сокрушительную гражданскую войну за всю историю Византии. Свои краски добавила эпидемия чумы. Проиграв в итоге, отрекся от трона, принял схиму и умер почти девяностолетним. Матфей Кантакузин, сын предыдущего, отрекся от трона. Иоанн V Палеолог умер, потрясенный унижени-

ем, когда султан Баязид заставил его скрыть грандиозные только что построенные укрепления у Золотых ворот. Андроник IV Палеолог, сын предыдущего, поднял мятеж против отца, который полуослепил его. Бежавший из заточения Андроник обратился за помощью к султану, взял Константинополь и посадил отца и старшего брата в темницу. Но те сумели бежать к тому же Мураду и с его войсками вновь взяли Константинополь. Андроник бежал в Галату, в 1385 г. поднял новое восстание против отца, был разбит, сдался и вскоре умер. Иоанн VII Палеолог. Внук Иоанна V, поднял, в подражание отцу, мятеж против деда при поддержке Баязида, взял столицу и короновался. Был выбит дядей Мануилом. Спустя восемь лет поднял новое восстание, но вновь был разбит, однако не лишился жизни и здоровья и умер с титулом «василевс Фессалии». Мануил II Палеолог влачил жалкую жизнь вассала султана Баязида. Устав от этого, уехал во Францию, оставив регентом племянника Иоанна VII, но вернулся, когда Баязид разбил Тамерлан. Умер сам. Иоанн VIII Палеолог, сын предыдущего. Ярый «латинофил», т.е. сторонник подчинения Западу, автор последней и главной унии. Умер от горя, узнав о разгроме сербов на Косовом поле турками. Константин XII Палеолог, брат предыдущего, убит в последней битве за Константинополь перед тем, как тому суждено было стать Стамбулом.

Вот такая благодать эта Византия.

Свою горькую судьбу она выслужила сама.

Эпилог

Восстановить империю – значит окончательно похоронить русский народ.

Александр Солженицын

Примечание: я полностью согласен с оценкой Византии Александром Никитичем, но не согласен с ним в оценке концепции империи в целом. По этому вопросу см.:

Русские национал-демократия и социализм: сравнение — А.Г. Борцов (Warrax), А.Н. Севастьянов:

<http://warrax.net/2020/03/ndns.html>

К вопросу об Империи:

<http://warrax.net/88/imperia.html>

Не могу не процитировать Михаила Диунова, который сформулировал проблему в буквальном смысле по пунктам.

1. Империя не является самоцелью для русского народа, более того, она даже не является для него первоочередной целью.
2. Империя — это форма государственно-политической реализации уже сложившегося русского государства, появившаяся как результат политической деятельности великой нации с целью эффективной организации управления иноподданым окружением.
3. Империя может быть только национальной, ненациональные империи — это фальшивые империи, или империи, находящиеся в стадии разложения, каждая великая нация стремится реализовать свою империю как результат собственной великодержавности.
4. Национальное государство не может не быть империей или не стремиться ею стать. Как только национальное государство добровольно отказывается от империализма, оно само превращается в объект экспансии иноподданных.
5. Национальная проблема не разрешима в контексте современного господства доктрины либерализма и демократии.

Так кому же не по нраву Русская Империя? Разным категориям.

Но их всех объединяет идея «русские как нация не должны существовать». Не так уж важно, под каким соусом это преподносится — как превращение в службу газовых и нефтяных труб либо в музейные экспонаты «Русский, 100%, популяция живет на территории в три квадратных километра». Существенно то, что, как бы они себя не называли, они против *великой* Русской нации.

Россия должна стать, как Византия, говорят нам порой «доброжелатели».

Не дай Бог! – отвечаю я.

Отчего погибла Византия?

Это совершенно ясно и понятно. Византия погибла от собственной многонациональности и мультикультурности. Вот прямой и непреложный ответ на вопрос об уроках этой империи для нас, русских.

Рецепт долголетия этноса, в общем, достаточно прост и хорошо известен: 1) эндогамные браки; 2) жесткое семейно-брачно-сексуальное законодательство с запретом на все девиации; 3) своя племенная (национальная) религия; 4) своя племенная власть даже под оккупацией, даже на чужбине, в гетто, в плену; 5) вообще своя племенная элита всех видов – от административной и воинской до интеллектуальной и художественной. Плюс еще несколько пунктов, о которых здесь не стоит распространяться.

Ничего этого не было у сограждан Римской империи. Византийцы никогда не были ни этносом, ни, соответственно, нацией – и стать ею не смогли, так и оставшись всего лишь согражданством, с вытекающими из этого факта последствиями: внутренней нестабильностью и слабой защищенностью перед лицом внешних угроз.

Спору нет, Византия была во многом хороша, особенно с точки зрения малых и средних этносов¹⁵. Но век ее был до обидного недолог: с 330 до 1453 г. – всего-то 1123 года. Если мы и впрямь – как она, то нам уже пора собираться в гроб. Поскольку наша государственность, если считать с 862 г., от Рюрика, насчитывает 1150 лет.

Есть единственный способ избежать этого: преобразоваться в русское национальное государство. Только так мы сможем продлить свое существование по крайней мере на столетия, а если действовать с умом, то и на тысячелетия.

Ставка на империю – гибельна. Ибо тогда нужно смириться со смертью нации, а с нею, неизбежно, и государства. Но если умирать прежде времени неохота, то надо ставить на русский народ, возрождать его к новой жизни. Нам нужно не российское согражданство, а полноценная русская нация. Только она сможет спасти страну от распада и гибели.

Иного не дано.

Византийский опыт приветствуют и проповедают главным образом православные клерикалы, и то не все, а те, что ставят религиозное единство выше национального. Не понимая при этом, что только второе способно дать основу для первого. И забывая, чем в действительности была религиозная жизнь Византии.

Легко видеть, что история русского этноса и история России, к счастью, не имеют ничего общего с историей Византии. У нас есть главное, существеннейшее отличие: государствообразующий народ – русские. Поэтому любые попытки проводить параллель и выводить для нас некий императив из византийского опыта, брать пример с Византии, – несостоятельны и вредны для нас. А вот оценивать угрозы и вызовы, стоящие перед нами, с точки зрения плачевного византийского опыта можно и нужно. Я постарался сделать это как умел. *Sapienti sat.*

Что такое двенадцать веков?! Государство-«долгожитель» с таким возрастом – это пустяк. А вот этносы-долгожители (Индия, Китай, евреи живут гораздо дольше), возрастом в разы больше, – это предмет для размышлений, зависти, изучения и перенимания опыта. Какая нам радость, если русские исчезнут, утратят или сменят идентичность, а государство с именем «Россия» будет процветать? По мне уж лучше наоборот.

Пример евреев учит: этнос, если он сохраняет себя в веках, рано или поздно сможет восстановить, вернуть даже свою утраченную государственность. Вот – стоит же себе Израиль. Но никогда и никакой Византии мы уже не увидим, поскольку некому ее возродить: нет тех ромеев (нынешние греки – не ромеи, а уж тем более не эллины).

Итак, ясно поймем и скажем себе: нам нужно не государство-долгожитель, пожирающий русский этнос, а русский этнос-долгожитель, поддерживающий свое государство.

Противопоставлять русских и Россию, как это порой, увы, делается, – ложный, ошибочный путь.

¹⁵ Не случайно наиболее активно пропагандируют византийский опыт в России сегодня историки еврейского происхождения: В. Махнач, А. Малер и др.

Но приоритеты должны быть расставлены четко и бескомпромиссно: вначале русская нация, а русское государство потом.
Телега не должна ехать впереди лошади.

«Развитие и экономика» № 4, 2012